

Т. В. Чуб

УДК 81'373.2:81'42

ПОЭТИКА ТОПОНИМОВ «FLEURS DU MAL» В СВЕТЕ ТЕОРИИ “ВСЕЛЕНСКОЙ АНАЛОГИИ”

Реферат. Система аффективно - ассоциативных соответствий лежит в основе образного языка поэтического сборника Шарля Бодлера «Цветы Зла», топопоэтонимы которого являются неотъемлемым компонентом поэтики произведений сборника.

Ключевые слова: “теория вселенской аналогии”, топопоэтоним, поэтика символизма.

Согласно теории “вселенской аналогии”, между миром материальных вещей и духовных творений существует “тайное сродство”, источником которого есть “сверхприродное” всеединство мироздания, в которое как бы “погружена” собственно природная, непосредственно доступная человеческим чувствам действительность и от которого она получает свой единственно подлинный смысл [7, с. 34-35]. Теория “соответствий” легла в основу эстетического кредо Шарля Бодлера — поэтики символизма. Поэт не был первооткрывателем “вселенской аналогии”. Теория “соответствий” разрабатывалась как его литературными предшественниками, так и современниками (Э. Сведенборг, И. К. Лафатер, Э. Гофман, Ж. де Нерваль, О. Бальзак, Ш. Фурье и др.), однако Бодлер впервые дал полное поэтическое толкование трем основным типам “соответствий” в своем программном сборнике «*п*». Во-первых, образно представил аффективно-ассоциативную связь между различными чувствами, например, когда звук способен вызвать цветовые или вкусовые ощущения. Идея синестезии лежит в основе программного стихотворения Бодлера «Соответствия»: *Неодолимому влечению подвластны, / Блуждают отзвуки, сливаясь в унисон, / Великий, словно свет, глубокий, словно сон; / Так запах, цвет и звук между собой согласны* / (Пер. В. Микушевича). Второй тип соответствий наступает, когда чувственные впечатления пробуждают воспоминания либо фантазии: *Когда, закрыв глаза, я, в душный вечер лета, / Вдыхаю аромат твоих нагих грудей, / Я вижу пред собой побережия морей, / Залитых яркостью однообразной света* / («Экзотический аромат», пер. В. Брюсова). И в-третьих, сам “природный”, психофизический мир (мир вещей, чувственных впечатлений от них и эмоциональных переживаний) оказывается знаком, отзвуком, “отражением” неявленной духовной “сверхприроды”: *В бензоле, в мускусе и в ладане поет / Осмысленных стихий сверхчувственный полет.* (Пер. В. Микушевич). Подвижная система аффективно-ассоциативных соответствий, часто лишенная какой-либо логики и рационализма, ложится в основу образного языка поэта. Постигание смыслового богатства метафор, сравнений и символов становится возможным только для читателя с воображением, близким авторскому. “Вселенская аналогия” раскрывается и через образный ряд топонимных единиц.

С названиями далёких континентов, экзотических стран связаны самые теплые воспоминания Бодлера о путешествиях, совершенных в юности. За поэтонимами *Capoue, Asie, Chine, Inde, Afrique* закреплены положительно окрашенные, индивидуально-авторские коннотации, отражающие

представления поэта об идеальном обществе, где царит первозданная красота и духовное совершенство. По замыслу поэта, нейтральные языковые топонимы под воздействием контекста произведения, а также общности апперцепционной базы читателя и автора, становились стилистически значимыми. Локально-темпоральная функция, возникающая у топонимов, когда они соотносятся не только с географическим объектом, но и с определенным временным отрезком в жизни у поэта Бодлера, перестаёт быть доминирующей, уступая место ассоциативной, символической: *L'innocent paradis, plein de plaisirs furtifs, / Est-il déjà plus loin que l'Inde et que la Chine?* / («*Mœsta et errabunda*»)¹. / *La langoureuse Asie et la brûlante Afrique, / Tout un monde lointain, absent, presque défunt, / Vit dans tes profondeurs, forêt aromatique!* / («*La Chevelure*»)². / *Je pense à la négresse, amaigrie et pthisique, / <... > cherchant, <... > / Les cocotiers absents de la superbe Afrique* / («*Le Cygne*»)³. / *Tel le vieux vagabond, piétinant dans la boue, / Rêve, le nez en l'air, de brillants paradis; / Son œil ensorcelé découvre une Capoue / Partout où la chandelle illumine un taudis* / («*Le Voyage*»)⁴. / *Lorsque enfin il mettra le pied sur notre échine, / Nous pourrions espérer et crier: En avant! / De même qu'autrefois nous partions pour la Chine* / («*Le Voyage*»)⁵.

В поэтическом сознании Бодлера с образами *Paris, Seine, France* были связаны представления о мире, “испорченном” буржуазной цивилизацией. За топонимами, обозначавшими условно-поэтические образы, закреплялись коннотемы пейоративного плана: *Paris* – ‘место скопления людей’, ‘обездоленные труженики’; *France* – ‘край страданий’; *la Seine* –

‘душевная пустота’. Например, / *Et lorsque j'entrevois un fantôme débile / Traversant de Paris le fourmillant tableau* / (I, «*Les Petites vieilles*»)⁶. Коннотема ‘обездоленные труженики’ помогает раскрыть механизм возникновения метонимического значения у топонима *Paris*: / *L'aurore . . . / S'avancait lentement sur la Seine déserte, / Et le sombre Paris, en se frottant les yeux, / Empoignait ses outils, vieillard laborieux* / («*Le Crépuscule du matin*»)⁷. / *Pourquoi, l'heureuse enfant, veux-tu voir notre France, / Ce pays trop peuplé que fauche la souffrance* / («*A une Malabaraise*»)⁸.

Сопоставление коннотативного слоя семантики топонимов *Capoue, Asie, Chine, Inde, Afrique* с индивидуально-авторскими значениями поэтонимов *Seine, Paris, France* позволяет обнаружить явную антитезу, отражающую ценностные стереотипы Картины мира у Бодлера. Несомненно, что авторская концепция двоимирия – сосуществование Добра и Зла – реализовывалась и на поэтонимном уровне. Под влиянием контекста и атрибута *le nouveau (новая)* при топониме *Carrousel* актуализируется индивидуально-авторское значение пейоративного плана ‘перемь к худшему’, а у астионима *Paris*, который находится в атрибутивных отношениях с лексемой *vieux (старый)*, реализуется положительная коннотация ‘добрые старые времена’. Топонимы формируют антитезу, основанную на противопоставлении коннотативного слоя их семантики: / *A féconde soudain ma mémoire fertile, / Comme je traversais le nouveau Carrousel. / Le vieux Paris n'est plus (la forme d'une ville / Change plus vite, hélas! que le cœur d'un mortel)* / («*Le Cygne*»)⁹.

Создание мифического пространственно-временного фона стихотворения «*Le Calumet de paix*» связано с актуализацией понятийной семы

¹ / Для чистых радостей открытый детству рай, / Он дальше сказочной Голконды и Китая / («*Moesta et errabunda*», В. Левик).

² / Нега Азии томной и Африки зной, / Мир далёкий, отшедший, о лес благовонный, / Возникает над черной твоей глубиной! / («*Волосы*», Эллис).

³ / В думках я бачу знов сухотну негритьянку, / <...> Її пальми Африки проблиснуть наостанку / («*Лебідь*», М. Москаленко).

⁴ / Так бродяга, храпящий в грязи, под забором, / Мнит, воззрившись на небо, что рай недалёк, / Видя Капуи брег зачарованным взором / Там, где в жалкой лачуге блеснул огонёк / («*Путешествие*», В. Левик).

⁵ / Но когда он пяту нам поставит на спину, / Братья, крикнем: “Вперед!” – и на всех парусах, / Как ходили в Голконду, в Китай, Кохинхину / («*Путешествие*», В. Левик).

⁶ / И неволью я думаю, видя спешащий / Сквозь толчку парижскую призрак такой / («*Старушки*», В. Левик).

⁷ / Світанок, вбравшись в рожеве і зелене, / Виходив повагом на набережні Сени, / І трудівник-Париж свої зняряддя брав / («*Передранковий смерк*», М. Москаленко).

⁸ / Дитя счастливое! Зачем горюшь желаньем / Увидеть Францию, пронзенную страданьем, / Где людям тесно жить / («*Жительнице Малабара*», Эллис).

⁹ / Это, в залежах памяти спавшее, слово / Вспомнил я, Карусель обойдя до конца. / Где ты, старый Париж, Как все чуждо и ново! / Изменяется город быстрей, чем сердца / («*Лебедь*», В. Левик).

‘мифическое место’ у топонима *la Carrière Rouge* (Рыжий Карьер): / *Et la, sur les rochers de la Rouge Carrière, / Dominant tout l’espace et baigné de lumière, <...> Vinrent docilement à la Carrière Rouge / Où Gitche Manito leur donnait rendez-vous / («Le Calumet de paix»)*¹⁰.

Словосочетание *un vin de Bohême* обрело метафорическое звучание под влиянием синергической семантики её компонентов: апеллиатива *un vin* с авторской коннотацией ‘душевные переживания’ и топонима *Bohême* (Богемия) с окказиональным созначением ‘кислый, терпкий’. Субъектно-определяющая семантика может быть описана как ‘страдание’: / *Je crois boire un vin de Bohême / Amer et vainqueur / («Le Serpent qui danse»)*¹¹. Актуализируемая контекстом сема координат амплифицирует метафорическое звучание топонимов *l’Inde* и *la Chine*: / *L’innocent paradis, plein de plaisirs furtifs, / Est-il déjà plus loin que l’Inde et que la Chine? / («Mœsta et errabunda»)*¹². Параллельная конструкция, включающая поэтоним *Leucate* (Левкадская скала) с актуализированной семой координат, создаёт эмфазу: / *Et depuis lors je veille au sommet de Leucate /¹³ («Lesbos»)*. Экспрессивность заглавия «Un voyage à Cythère»? топонимическим компонентом *Cythère* повышается за счёт мрачного, с ужасными картинами смерти контекста, контрастного к содержанию поэтонима. Известно, что за поэтонимом закреплена общеязыковая коннотация ‘край любви’, возникшая под влиянием экстралингвистических факторов¹⁴. Под влиянием информации, относящейся к затекстовой действительности, контекста произведения, топоним *Cythère* семантически обогащается и выступает сигналом, возбуждающим комплекс ассоциативных значений, связанных с угрозой политических репрессий в меттерниховско-николаевской

Европе. Высокая степень содержательной и образной насыщенности топонимизма позволяет его квалифицировать как поэтоним-символ: / *C’est <...> un pays fameux dans les chansons, / Eldorado banal de tous les vieux garçons / («Un voyage à Cythère»)*¹⁵.

В поэтических текстах Бодлера топоним *Sahara* употреблен дважды в переносном значении. Метафорическая номинация Франции – *un Sahara brumeux* (‘туманная Сахара’) – основана на индивидуально-авторских ассоциациях по сходству. Значение метафоры “нравственная пустыня” становится очевидным под влиянием контекста произведения, а также информации о социально-политической и культурной ситуации, сложившейся во Франции к моменту написания стихотворения: / – *Désormais tu n’es plus, ô matière vivante! / Qu’un granit entouré d’une vague épouvante, / Assoupi dans le fond d’un Sahara brumeux / («Spleen»)*¹⁶. Метафорическое значения ‘душевная пустота’ развивается у топонима *Sahara* в контексте стихотворения «L’Héautontimorouménos¹⁷ : / *Pour abreuver mon Sahara, / Jaillir les eaux de la souffrance /¹⁸*. Вне всякого сомнения, “метафора делает абстрактное легче воспринимаемым, не случайно поэтому один из магистральных путей метафорического переноса – от конкретного к абстрактному, от материального – к духовному” [3, с. 12]. В стихотворении «Chanson d’après midi» метафорически употребленный поэтоним *Sibirie* символизировал остывшую, холодную, лишенную любовных страстей душу поэта. Однако одновременно под влиянием экстралингвистической информации у него актуализируется интерлингвальное созначение ‘место ссылки декабристов’¹⁹ : / *Mon âme par toi guérie, / Par toi, lumière et couleur, / Explosion de chaleur, / Dans ma noire Sibirie! / («Chanson*

¹⁰ / *И стоя на скале Рыжего Карьера / Созерцал простор, омытый теплым светом. <...> Шли послушной толпой в Красный Карьер / Где ожидал их Гитчи Маниту / (перевод наш – Т.Ч.)*

¹¹ / *Выпью богемского вина, / Горького и всепобеждающего / (перевод наш – Т.Ч.)*

¹² / *Для чистых радостей открытый детству рай, / Он дальше сказочной Голконды и Китая / («Mysta et errabunda», В. Левик).*

¹³ / *С тех пор я на скале Левкадской страж прилежный, / <...> / С тех пор я на скале Левкадской страж прилежный / . («Lesbos», В. Микушевич)*

¹⁴ В античные времена греческий остров Кифера был одним из центров культа Афродиты.

¹⁵ / *Кифера <...> известная в песнях страна, / Эльдorado седых проказников / (перевод наш – Т.Ч.)*

¹⁶ / – *Дух живой, так во что ж обратился ты ныне? / Ты скала среди проклятой богом пустыни – / Окаянной Сахары / («Сплин», В. Левик).*

¹⁷ Сам себя истязавший (греч.).

¹⁸ / *Да прянет и в моей Сахаре // Потокотом животворных вод / Вся горечь твоего страданья / («Гэаутонтиморуменос», И. Лихачев).*

¹⁹ Внимание всей прогрессивной мировой общественности было приковано к известию о возвращении из сибирской каторги и ссылки уцелевших декабристов после смерти Николая I (2.03.1855 г. по н.ст.).

d'après midi»)²⁰. Метафорическое значение окказионально окрашенного ойкодомопозтонима *Capitole*²¹ (Капитолий) актуализируется в контексте стихотворения «La mort des artistes». Бодлер полагает, что для многих художников, не поднявшихся до созерцания природы, не достигших эстетического идеала, их Капитолием будет Смерть: / *N'ont qu'un espoir, étrange et sombre Capitole! / C'est que la Mort, planant un soleil nouveau, / Fera s'épanouir les fleurs de leur cerveau! / («La Mort des artistes»)*²². Под влиянием минимального контекста у топонимизма *Tivoli* актуализируется коннотемы 'нарядно одетые люди', 'развлекающаяся публика,' помогающие понять механизм возникновения метонимического переноса у топонима: / *Vestale enamourée; / Pretresse de Thalie, hélas! dont le souffleur / Enterré sait le nom; célèbre évaporée / Que Tivoli jadis ombragea dans sa fleur / («Les Petites vieilles»)*²³. С общеязыковой коннотацией 'богатый город' употреблен топоним *Palmyre* в определительной конструкции: / *Mais les bijoux perdus de l'antique Palmyre, / <... > ne pourraient*

*pas suffire / A ce beau diadème éblouissant et clair / («Bénédiction»)*²⁴.

Топонимизмные единицы сборника «Fleurs du Mal» – это своеобразный лексический пласт, несущий значительный объём концептуально-эстетической информации в образно-символической системе произведений Бодлера. Поэт как зачинатель нового литературного направления, нового метода изображения действительности – символизма, стремился к созданию двухпланового образа. Материальный мир во всем его многообразии составляет у поэта передний пласт образа, который является символом, знаком внутреннего мира человека, с его душевными переживаниями, воспоминаниями и мечтаниями. «Переход в образах Бодлера от переднего к глубинному плану, от восприятия к апперцепции означает одновременно с этим и движение в пространстве от “малого” мира и от сферы психики, от области близкого к миру большому, огромному, к области путешествий и странствований, к области далёкого» [4, с. 113].

²⁰ / Твой свет, твой жар целят меня, / Я знаю счастье в этом мире! / В моей безрадостной Сибири / Ты вспыхиваешь яркого огня! («Песня после полудня», Эллис).

²¹ Топоним *Capitole* употреблён с коннотацией 'завершение, венец пути'.

²² / Надія в них одна – похмурий Капітолій! / Подібно Сонцеві, виходить Смерть з імлі, / Щоб мозки цих людей, мов квіти, розцвіли / («Смерть митців», М. Москаленко).

²³ / Весталка влюблённая, жрица Талии, / По имени только суфлеру знакома, / Своею Красотой затмила Тиволи / (перевод наш – Т. Ч.)

²⁴ / Я для себя сплету мистический венец! / Пред тем венцом – ничто и блеск камней Пальмиры / («Благославление», Эллис).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодлер Ш. Стихотворения: Пер. с фр. / Сост. Е. Витковский. – Харьков: Фолио, 2001. – 494 с.
2. Бодлер Ш. Поезії: Пер. з французьк. / Передм. Д. Наливайка. – К.: Дніпро, 1989. – 357с.
3. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С.11-26.
4. Обломиевский Д. Французский символизм. – М.: Наука, 1973. – 303 с.
5. Калинин В. М. Поэтика онима. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
6. Калинин В. М., Бартошевич Л. Синергическая семантика и конгенеративная поэтика сочетаний с онимами // Вісник Донецького університету. – Сер. Б: Гуманітарні науки. – Вип.1. – Донецьк, 2000. – С. 56-66.
7. Косиков Г. К. Шарль Бодлер между “восторгом жизни” и “ужасом жизни” // Бодлер Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники. Жан-Поль Сартр. Бодлер / Составление, вступит. статья и коммент. Г.К. Косикова. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 5-40.

Чуб Т. В.

ПОЕТИКА ТОПОНІМІВ “FLEURS DU MAL” З ПОГЛЯДУ ТЕОРІЇ “ВСЕЛЕНСЬКОЇ АНАЛОГІЇ”.

Система аффективно - асоціативних відповідностей стає основою образної мови поезій збірника Шарля Бодлера «Квіти Зла», топопоетоніми якого виступають невід’ємними компонентами поетики творів збірника («Λογος ὀνομαστική», № 1 (3), 2009, с. 100-104).

Ключові слова: *“теорія вселенської аналогії”, топонім, поетика символізму.*

Tchub T. V.

TOPONYMS POETICS OF “FLEURS DU MAL” FROM THE STANDPOINT OF THE THEORY OF “UNIVERSAL ANALOGY”

The system of affective-associative correspondences becomes the basis of the figurative language of poetry collections of poems Baudelaire «Fleurs du Mal», which topoetonymy was integral to the poetics of the collection («Λογος ὀνομαστική», № 1 (3), 2009, с. 100-104).

Key words: *theory of “universal analogy”, toponym , poetics of symbolism.*